

18+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

ЭФФЕКТ
ШАРНХОРСТА

Виктор Харебов

**Эффект Шарнхорста. Из цикла
«Эра Нулевого Континуума»**

«Издательские решения»

Харегов В.

Эффект Шарнхорста. Из цикла «Эра Нулевого Континуума» /
В. Харегов — «Издательские решения»,

Октябрь 1985 года. В закрытом НИИ под Москвой группа физиков подтверждает гипотезу Шарнхорста: квантовый вакуум можно «раскачать», превращая флуктуации в источник колоссальной энергии. Теория мгновенно получает гриф «совершенно секретно» и становится основой проекта, способного изменить баланс сил и саму структуру реальности. Но вмешательство в ткань континуума открывает не только энергетические перспективы, а дверь в неизвестность.

© Харегов В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1: Пепел Союза	9
ГЛАВА 2: Дачная «Шарашка»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Эффект Шарнхорста

Из цикла «Эра Нулевого Континуума»

Виктор Харебов
Сергей Харебов

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

ISBN 978-5-0069-8156-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Октябрь 1985 года. Закрытый военный городок «Солнечный-7», Московская область.

Осень в этом году выдалась на удивление сухой и ясной. Золото берез уже облетело, устлав бетонные дорожки между корпусами шуршащим ковром, и воздух был прозрачный и холодный, как родниковая вода. Андрей Вольский быстро шагал к главному зданию института, пряча покрасневшие от бессонной ночи глаза за большими роговыми очками. В кармане его потертого портфеля лежала тонкая папка с грифом «Совершенно Секретно», содержащая всего несколько листов, исписанных убористым почерком. Сегодня решалась судьба всей его научной карьеры.

НИИ Астрофизики и плазменной динамики АН СССР формально числился гражданским учреждением, изучающим космические лучи и строение далеких туманностей. Неформально он был ключевым научным активом Министерства обороны. Высокий забор с колючей проволокой, три ряда охраны и полное отсутствие названия на картах говорили сами за себя.

К нему подошли двое в штатском, за ними — охранник с автоматом. Проверка документов. Взгляд автоматчика скользнул по его лицу и задержался на портфеле. Получив разрешение на вход, Андрей прошел через пропускной пункт, длинный коридор, поднялся на лифте на второй этаж и вошел в кабинет директора НИИ — центр принятия решений, где собирались главные разработчики и руководители проектов.

За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели трое. Лев Векслер, доктор физико-математических наук, грузный, седой, с вечным дымком папиросы «Казбек», поднимающимся к вентиляции. Его глаза, умные и усталые, смотрели на мир с иронией человека, видевшего взлеты и падения теорий покруче этой. Рядом с ним, нервно постукивая карандашом по столу, расположился Михаил Светлов — инженер, гений эксперимента, человек, который мог спать работающий прототип из консервных банок и радиодеталей, если того требовала теория. Напротив них, откинувшись на спинку стула, восседал грузный мужчина в штатском. Это был генерал КГБ Виктор Полунин, куратор всех перспективных разработок.

— Садитесь, Вольский, — голос Векслера был сух, как шелест бумаги. — Время не резиновое. Рассказывайте, что там у вас за «кипение вакуума».

Андрей положил папку на стол, открыл ее и, стараясь не выдать голосом дрожи, начал:

— Товарищи, коллеги... Лев Борисович, я доработал математический аппарат, основанный на гипотезе Шарнхорста о флуктуациях в квантовом вакууме.

— Шарнхорст? — перебил Полунин, его голос звучал низко, с металлическими нотками. — Немец?

— Физик-теоретик, — вмешался Векслер, выпуская клуб дыма. — Предложил интересную, хоть и безумную, модель взаимодействия света с «ничем». Продолжайте, Андрей.

Вольский замялся на мгновение и продолжил, водя пальцем по формулам, которые для присутствующих были родным языком:

— Мои расчеты показывают: если мы создадим сильно разреженную плазменную среду с определенными параметрами, практически глубокий вакуум, и облучим ее лазером строго заданной частоты и мощности, мы сможем «раскачать» виртуальные частицы. Фотоны будут не просто рассеиваться, а выбивать из состояния флуктуации реальные электрон-позитронные пары.

— Столкновение лбами? — оживился Светлов, перестав стучать карандашом. — Фотон бьет по виртуальной частице, и та становится реальной?

— Именно, Михаил Сергеевич! — глаза Андрея загорелись. — Это как если бы мы добавили энергии в систему настолько точно, что заставили пустоту «кипеть». А дальше — анни-

гиляция. Электрон и позитрон, встречаясь, уничтожают друг друга, выделяя чистую энергию по формуле Эйнштейна.

— Энергия из ничего, — хмыкнул Полуниин. — Звучит как дьявольщина, товарищ Вольский. Или как вечный двигатель. А мы, знаете ли, материалисты.

— Это не из ничего, товарищ генерал, — возразил Андрей, набравшись смелости. — Энергия фотонов служит катализатором, «спичкой». А топливо — сам физический вакуум, его скрытая энергия. Система работает с минимальными энергетическими потерями, практически достигая теоретического предела. Мы получаем возможность черпать энергию из самой ткани мироздания.

В зале повисла тишина. Даже Векслер перестал курить, уставившись на листы с формулами. Светлов вскочил и начал ходить вдоль стола, бормоча: «Если так, то нужен лазер на свободных электронах, накопительные кольца, особый режим работы...».

Полуниин медленно перевел взгляд с Вольского на Векслера.

— Лев Борисович, вы как академик? Это бред сивой кобылы или реально?

Векслер тяжело вздохнул, поправил очки и еще раз пробежался глазами по формулам.

— Знаете, Виктор Петрович, лет тридцать назад я бы сам отправил Андрюшу в дурку с такими идеями. Но квантовая механика... она, знаете ли, почище любого мистика будет. Если его уравнения верны... — он постучал пальцем по бумаге, — а я пока ошибок не вижу, то это переворот. Не просто новое оружие или двигатель. Это новая физика. Эра чистой энергии.

Глаза Полуниина сузились. Он смотрел на папку, как удав на кролика.

— А если направить эту энергию не в реактор, а в бомбу? Плазменный заряд? Аннигиляция пар... какая мощность?

Светлов, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Любая, товарищ генерал. Ограничена только объемом создаваемых пар. Если мы научимся это делать... одна такая бомба заменит весь ядерный арсенал вероятного противника. И главное — чисто. Никаких радионуклидов, один чистый гамма-всплеск и плазма.

Полуниин медленно поднялся. Он был на голову выше сидящего Вольского.

— Слушайте меня внимательно, орлы, — сказал он тихо, но от этого тихого голоса в зале, казалось, похолодало. — Все, что вы тут наговорили, остается в этих стенах. Ни одной записи в личных дневниках, ни одного пьяного разговора на кухне, ни одной статьи в «Доклады Академии Наук». Вашего Шарнхорста больше нет в природе. Есть государственная тайна. Есть проект...

Он выдержал паузу, обеда взглядом каждого.

— ...Проект «Шарнхорст». С сегодняшнего дня вы работаете только на меня и на Родину. Задачи: подтвердить теорию экспериментально. Светлов — твоя задача создать установку. Векслер — ты отвечаешь за теорию. А ты, — он ткнул пальцем в грудь Андрея, — ты, Вольский, теперь спишь здесь. Будешь жить наукой. И запомните: никто не должен знать.

Он сгреб папку со стола и сунул ее себе под мышку.

— Векслер, зайдите ко мне через час. Будем думать, где строить стенд и как прятать финансирование.

Когда дверь за генералом закрылась, Светлов присвистнул и упал в кресло.

— Ну, Андрей, поздравляю. Ты только что подарил стране самую страшную тайну со времен атомного проекта. И если у нас ничего не выйдет, нас всех разжалуют в дворники. Если выйдет... — он развел руками. — Даже не знаю, что тогда.

Векслер медленно погасил папиросу и посмотрел на Вольского. В его взгляде читалась странная смесь гордости и тревоги.

— Выйдет, Миша, обязательно выйдет, — пробормотал он. — Беда в другом. Когда люди учатся черпать силу у самого мироздания, они редко бывают к этому готовы. Ладно, господа-товарищи ученые. Добро пожаловать в ад квантовой неопределенности.

Андрей сидел, не в силах пошевелиться. В окно он видел верхушки сосен за забором, уже тронутые желтизной. Где-то там, за колючей проволокой, шла обычная жизнь, люди спорили о политике, стояли в очередях, влюблялись. А здесь, в этом кабинете, только что решили заглянуть в бездну, из которой, как говорили древние, нет возврата. И имя этой бездне было — «Эффект Шарнхорста».

ГЛАВА 1: Пепел Союза

Февраль 1992 года выдался промозглым и серым. Снег давно потерял свою белизну, превратившись в грязное месиво на обочинах, а голые ветки берез, казалось, царапали низкое, набухшее влагой небо. Лев Борисович Векслер стоял у окна своей московской квартиры, выходящего на шумный проспект, и смотрел, как внизу, сигналив друг другу, мечутся «Жигули» и иномарки, чувствовавшие себя на этих улицах хозяевами. В комнате пахло сыростью и запустением. Телефон молчал уже третий день — группу распустили вместе с институтом.

В дверь позвонили. Векслер подошел и, чуть помедлив, повернул ключ в дверном замке. Вместе с потоком холодного воздуха в прихожую вошел Михаил Светлов — инженер-гений, как называли его в институте. Он осунулся — щетина темнела на щеках, а когда-то дорогой свитер был заштопан на локте.

— Ну, Лев Борисович, с концами, — Светлов прошел на кухню, бросил на стол тощий портфель. — Был в институте сегодня. Печати на дверях. Охрану сняли еще на прошлой неделе. Местные алкаши уже вынесли все медные шины, которые плохо лежали. Нашу лабораторию, правда, не тронули — дверь бронированная, но это вопрос времени. Через месяц там и стены разберут на кирпичи.

Векслер не обернулся. Он смотрел, как внизу остановился тонированный «Мерседес», из которого вышел человек в кожаном пальто и, достав сотовый телефон, начал кому-то звонить, поглядывая на подъезд.

— Знаешь, Миша, — голос Векслера звучал глухо, — в сорок пятом я думал, что хуже войны ничего не будет. В пятьдесят третьем, когда хоронили Сталина, думал — ну, теперь-то точно все наладится. А сейчас... смотрю на этот проспект и понимаю: мы стали другими. И страна стала другой. Чужой.

— Философствовать будем потом, — Светлов закурил прямо на кухне, хотя раньше Векслер ему этого не позволял. — Ко мне вчера приходили. Двое. Интеллигентные такие, в очках, но говорят по-русски с акцентом. Предлагали контракт. Калифорнийский технологический. Домик в Пасадене, машина, лаборатория — все, что пожелаешь. Условие одно: привезти с собой все наработки по эффекту. И тебя, кстати, тоже звали. Вместе поедем, говорят, дело общее сделаем.

Векслер наконец повернулся. Его глаза, всегда живые и ироничные, сейчас смотрели устало, но в них мелькнула знакомая искра.

— А ты что ответил?

— А что я мог ответить? — Светлов усмехнулся, выпуская дым в форточку. — Сказал, что подумаю. Они оставили визитку. Сказали, позвонят через неделю. Но ты же знаешь, Лев Борисович, я эти ящики с железками не для того паял, чтобы какой-нибудь ковбой в Техасе на них ракеты в Ирак запускал. Или, еще хуже, — сюда же, в Москву, только с обратным адресом.

Векслер кивнул, взял папиросу «Казбек» из помятой пачки, долго прикуривал дрожащими руками.

— А меня вчера навещали другие гости. Товарищ Полунин, собственной персоной. Без погон, в гражданском, но взгляд — тот же. Старый волк. Сказал, что генералы теперь сами по себе, а он — сам по себе. Предлагает сотрудничество. Частное. Говорит, есть люди, есть деньги, есть интерес. Хочет, чтобы мы продолжали. Только теперь не для Родины, а для него. Для узкого круга лиц.

— И ты?

— А я послал его, Миша. Далеко и надолго. Сказал, что если он сунется, я все бумаги сожгу, а установку взорву к чертовой матери. Он усмехнулся, сказал, что я еще пожалею, и ушел.

Светлов затушил окурок прямо в цветочный горшок с засохшей геранью.

— Значит, два фронта. Запад хочет купить. Наши бывшие хотят отжать. А у нас — ни копейки, ни охраны, и Андрюша... — он запнулся.

Векслер подошел к столу, сел напротив. В его глазах появилась та самая хитринка, которую Светлов знал много лет.

— А про Андрюшу, Миша, давай-ка поговорим отдельно. Ты когда в последний раз был на моей даче в Кратово?

Светлов удивленно поднял брови.

— Давно. Еще летом, кажется. А что?

Векслер медленно улыбнулся, разглаживая седые усы.

— А то, что, может быть, не все наши потери — безвозвратны. Собирайся. Поедем, воздухом подышим. Заодно посмотришь, как там мой новый садовник хозяйствует. Хороший мужик, работающий. Только тихий очень. Говорит мало. И, знаешь, в физике разбирается так, что я сам у него иногда консультируюсь.

Светлов сначала не понял. А потом до него дошло. Он вскочил, опрокинув стул.

— Лев Борисович... вы хотите сказать... это невозможно! Его же...

— Тихо! — Векслер поднял руку. — Не кричи на всю квартиру. Стены, знаешь ли, тоже уши имеют. Андрей действительно пропал год назад. Для всех. Для милиции, для соседей, для тех, кто к нему приходил с вопросами. Но для нас с тобой... скажем так, он просто сменил место работы. И профессию. Теперь он садовник, Иван Григорьевич Карташов. Прописан у меня на даче, получает зарплату, платит налоги. Все чин по чину.

— Но как? Как вы это провернули?

— Полунин помог, как ни странно. Неосознанно, конечно. Когда он начал охоту за Андреем, я понял, что живым его не оставят. Либо украдут, либо убьют, либо заставят работать в подвале. А мне терять ученика, Миша, жалко. Тем более такого. Вот и инсценировали мы небольшое ДТП. Машина в Москву-реку, тело не нашли, документы сгорели. Милиция искала для проформы и забыла. А Андрей с тех пор живет в сторожке и стрижет мои яблони.

Через час они тряслись в электричке, забитой людьми с огромными сумками — «челноками», как их теперь называли. Ехали долго, потом шли пешком по заснеженной лесной дороге. Дачный поселок Кратово встретил их тишиной и запахом дыма из печных труб. Дома здесь стояли добротные, еще сталинской постройки, с высокими заборами и заснеженными садами.

Участок Векслера оказался в глубине поселка, у самого леса. Старый двухэтажный дом с верандой, занесенный сугробами, сарай, банька и небольшой флигель, где раньше хранили инвентарь. Из трубы флигеля шел дым.

Они вошли в калитку, и навстречу им, разгребая снег лопатой, вышел человек в ватнике, валенках и старой шапке-ушанке. Борода, давно не стриженные волосы, сутулые плечи. Он поднял голову, и Светлов едва узнал в этом обросшем мужике того самого молодого теоретика, который семь лет назад стоял перед генералом и дрожащим голосом рассказывал про кипение вакуума.

— Здорово, Миша, — голос Андрея Вольского звучал хрипло, он кашлянул в кулак. — Давно не виделись.

В доме Векслера было натоплено, пахло яблоками и старой мебелью. Андрей снял ватник, оставшись в простой клетчатой рубашке, и сел за стол, где уже стоял самовар с чаем и тарелка с сушками.

— Рассказывай, — потребовал Светлов, не сводя с него глаз. — Как ты? Как это все выдержал?

Андрей усмехнулся, налил полную чашку чая, отпил и с удовольствием стал разламывать сушки, наслаждаясь их хрустом.

— А что рассказывать? Живу. Книжки читаю по ночам. Днем снег чищу, дрова колю. Лев Борисович привозит новые журналы. Я потихоньку теорию дорабатываю. В голове, конечно, без формул тяжело, но держусь.

— Теорию? — переспросил Светлов. — Какую теорию?

— Ту же самую, Миша, — Векслер достал из буфета пухлую тетрадь, исписанную мелким, аккуратным почерком. — Вот, полюбуйся. Андрей за год, сидя в сторожке, вывел то, на что в институте у нас ушло бы три года и миллионы рублей бюджетных денег. Тут у него и уточненные уравнения состояния плазмы, и новые параметры резонанса, и, — он понизил голос, — кое-что еще. То, о чем мы даже не догадывались.

— А именно? — Светлов взял тетрадь, начал листать, вглядываясь в формулы. Глаза его расширились.

— Побочный эффект, — тихо сказал Андрей. — Я просчитал фазовые переходы при сверхвысоких энергиях. Если создать нужную конфигурацию полей, аннигиляция пар происходит не хаотично, а направленно. И в этот момент... пространство вокруг установки ведет себя странно. Оно как бы... теряет жесткость. Понимаешь, Миша? Оно становится пластичным. Как глина. И если знать, как надавить...

Светлов оторвался от тетради. В комнате повисла тишина, только дрова потрескивали в печке.

— Ты хочешь сказать... переход в другие измерения? Это же...

— Это фантастика, я знаю, — перебил Андрей. — Но математика не врет. Если мы правы насчет эффекта Шарнхорста, если мы действительно можем черпать энергию из вакуума, то почему мы не можем использовать эту энергию, чтобы... прошить ткань реальности? Это как прыжок с трамплина. Сначала ты разгоняешься, потом отталкиваешься — и летишь. Только трамплин тут — наша установка, а место приземления — другой мир.

Векслер сел за стол, достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный лист бумаги и сказал:

— Я позвал вас, мальчики, не просто так. Ситуация патовая. Института нет. Полунин на нас охотится. Западные ребята обещают золотые горы, но потом нас выжмут как лимоны и выбросят. А у нас тут, — он обвел рукой комнату, — есть дом. Есть подвал, который Миша сможет превратить в лабораторию за месяц. Есть сарай, где можно спрятать оборудование для стенда. И есть Андрей, который знает, что делать дальше. Вот список необходимого оборудования, которое нам нужно в первую очередь.

— Вы предлагаете продолжать? — Светлов отодвинул стакан. — Самим? На голом энтузиазме? Где мы возьмем лазеры, генераторы, вакуумные камеры? Это же миллионы, Лев Борисович!

— А вот тут самое интересное, — Векслер хитро прищурился. — Помнишь наш старый стенд в институте? Тот, который мы законсервировали два года назад под предлогом неисправности?

— Ну?

— Так вот, по документам он до сих пор неисправен и подлежит списанию. А по факту... он просто стоит в подсобке, и никому до него нет дела. Охраны нет. Двери бронированные, но замки там простые. Если у нас найдется человек, который умеет работать руками и не боится темноты...

Оба посмотрели на Светлова. Тот хлопнул себя по лбу ладонью.

— Вы с ума сошли! Это же кража государственного имущества в особо крупных размерах! Нас же расстреляют! Если поймают.

— А если не поймают? — спросил Андрей тихо. — Если мы все сделаем аккуратно, Миша? Вывезем по частям, ночью, на обычной машине. Спрячем здесь, в подвале. Соберем

заново. Запустим. И тогда... мы ни от кого не будем зависеть. Ни от Полунина, ни от американцев, ни от этой новой власти, которая продает все, что плохо лежит.

Светлов встал, прошелся по комнате, задел плечом книжный шкаф, чертыхнулся.

— А если у нас получится? Если мы действительно сделаем это? Добудем энергию из вакуума? Откроем проход в другие миры? Что тогда? Мы же даже опубликовать ничего не сможем — сразу посадят. Или убьют.

— А мы не будем публиковать, — Векслер спокойно закурил новую папиросу. — Мы будем просто знать. Мы будем просто уметь. А когда придет время — решим, что с этим знанием делать. Может быть, это знание спасет нам жизнь. Может быть, оно даст нам свободу. А может быть, это просто наш долг — закончить то, что начали. Перед наукой. Перед собой.

Андрей поднял голову.

— Я за то, чтобы попробовать. Мне терять нечего. Я уже полгода как покойник.

Светлов остановился, оглядел их обоих, махнул рукой и вернулся к столу, допивая свой чай.

— Черт с вами! Помирать, так с музыкой. Только уговор: если запахнет жареным, мы сворачиваемся и заметаем следы. Я не хочу, чтобы на моей совести были ваши седые головы, Лев Борисович. И твоя молодая, но уже почти покойная, Андрей.

— Договорились, — кивнул Векслер. — А теперь давайте думать, как нам превратить подвал этого старого дома в самое секретное место на территории бывшего СССР.

За окном начиналась метель, заметая следы на снегу, заметая их прошлое, заметая все, что могло бы выдать случайному прохожему тайну старой дачи в Кратово. Тайну проекта «Шарнхорст», который, вопреки всему, продолжал жить.

ГЛАВА 2: Дачная «Шарашка»

Снег сошел к середине апреля, обнажив прошлогоднюю траву, промокшую землю и старые проблемы, которые зима скрывала под белым покровом. Для обитателей дачи Векслера в Кратово весна стала временем большой стройки, только вместо бетона и кирпича они использовали лазеры, вакуумные камеры и сотни метров оптического кабеля.

Подвал старого дома Лев Борисович когда-то использовал под мастерскую и хранение солений. Теперь банки с огурцами и помидорами сиротливо жалась в углу, уступив место настоящему научному оборудованию. Михаил Светлов, как главный инженер и снабженец, чувствовал себя здесь рыбой в воде. За последние два месяца он совершил настоящий подвиг: используя старые связи, полулегальные схемы и откровенный подкуп, он вывез с территории бывшего НИИ три грузовика того, что официально числилось «металлоломом, подлежащим утилизации».

— Ты понимаешь, Лев Борисович, — говорил он, разматывая очередной кабель, — эти идиоты сдают титановые вакуумные камеры по цене цветмета. Я договорился с одним прапорщиком. За ящик водки он оформил мне пропуск на вывоз «производственного мусора». Две тонны чистейшего титана! Если бы я знал, я бы еще и лазерные зеркала прихватил, но побоюсь, что заметят.

Векслер сидел в старом кресле, принесенном сюда из дома, курил папиросу и наблюдал за работой. Рядом с ним, на шатком табурете, разместился Андрей Вольский, который уже сбрил бороду и постригся, но все еще носил простую одежду и старался не выходить за пределы участка.

— Миша, ты гений, — констатировал Векслер. — Но нам нужны не только железки. Нам нужны мозги. Мои старые уже не так быстры, Андрей пока вынужден сидеть в тени, а объем работы растет как снежный ком.

Светлов оторвался от кабеля, вытер руки ветошью.

— Есть у меня пара кандидатур. Молодые, без работы, но очень подходящие для любой работы, где важны сноровка и осторожность. Твои ученики, Лев Борисович. Помнишь Диму Соболева? Который на программировании собаку съел? Он сейчас в какой-то коммерческой палатке сидит, видеокассетами торгует. Говорит, душа болит по настоящему делу.

— Соболев? — Векслер задумался. — Да, толковый парень. А кто второй?

— Аня Коваль. Твоя аспирантка, помнишь? Которая экспериментальные стенды собирала как игрушки. Она после закрытия института мыкалась, пыталась устроиться в педагогический, но там зарплату не платят. Сейчас, говорят, дома сидит, маме помогает.

Векслер поморщился, затушил папиросу.

— Аня... талантливая, спору нет. Но горячая, как спичка. Лезет вперед, не думая о последствиях. В институте я за ней постоянно доглядывал, чтобы чего не взорвала.

— А кто сейчас думает о последствиях? — подал голос Андрей. — Мы здесь все на пороховой бочке сидим. Если она готова работать, готова рисковать — пусть приходит. Мне нужен кто-то, кто сможет воплотить мои расчеты в реальность, пока Миша таскает железки.

Векслер тяжело вздохнул, потер переносицу.

— Ладно. Зови. Только предупреди: обратной дороги не будет. Если они согласятся, они становятся такими же нелегалами, как мы.

Дмитрий Соболев приехал через три дня. Высокий, худой, в очках с толстыми линзами, он выглядел так, будто только что вышел из вычислительного центра, хотя последние полгода провел за прилавком с кассетами. Увидев оборудование в подвале, он замер на пороге и прошептал:

— Матерь божья... Это же «Шарнхорст»? Вы реально его собрали?

— Почти, — Светлов довольно улыбнулся, похлопывая по вакуумной камере, как по любимой собаке. — Осталось только мозги подключить. Твои, Дима, мозги. Нам нужно программное обеспечение для управления лазерными импульсами с точностью до пикосекунд. Справишься?

Соболев прошел вглубь подвала, провел пальцем по корпусу генератора, заглянул в оптический прицел.

— Знаете, я за эти полгода наторговал столько, что мог бы купить себе компьютер и сидеть дома писать игрушки для продажи. Деньги бы были. А потом я ловил себя на мысли, что мне это не нужно. Мне нужно вот это, — он обвел рукой подвал. — Чувствовать, что я делаю что-то настоящее. Я согласен.

Анна Коваль появилась на даче в начале мая, когда зацвели яблони. Невысокая, с короткой стрижкой и цепким взглядом серых глаз, она сразу произвела впечатление человека, который не привык ждать. Первым делом она потребовала показать установку, затем бегло осмотрела каждый узел, задавая вопросы, от которых у Светлова иногда подкашивались ноги.

— Почему здесь стоит зеркало с таким коэффициентом отражения? — ткнула она пальцем в один из блоков. — На этих частотах оно сгорит после третьего импульса.

— А мы думали...

— Думать надо было, когда проектировали, — отрезала Анна. — Ладно, найдем замену. У вас есть запасные?

Знакомство с Андреем Вольским произошло в саду, под видом разговора хозяина дачи с садовником. Анна, которой Векслер представил Андрея как «своего помощника по хозяйству Петра», сначала не обратила на него внимания. Но когда «Петр» заговорил о теории, о фазовых переходах и о проблеме коллапса волновой функции в условиях сверхвысоких энергий, Анна остановилась и посмотрела на него с новым интересом.

— Странный вы садовник, — сказала она. — Я таких садовников в институте встречала, только они докторами наук были.

Векслер кашлянул, давая знак Андрею, но тот уже решился.

— Я и есть тот самый Андрей Вольский, Аня. Тот, который пропал год назад. Только для всех я мертв. А здесь я просто Петр, садовник. И очень прошу вас сохранить эту тайну.

Анна несколько секунд смотрела на него, потом перевела взгляд на Векслера, потом снова на Андрея.

— Да... серьезная у вас конспирация, — произнесла она с тихой усмешкой. — Ладно. Могила. Но тогда, товарищ покойник, объясните мне вот что: в ваших старых статьях, которые я читала еще в институте, был раздел про резонансные частоты. Я сейчас пересчитала — там ошибка в коэффициенте. Вы это знали?

Андрей усмехнулся, в его глазах мелькнуло уважение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.